

Шёпот демона был полон коварного искушения, словно ядовитая змея, покрытая пестрым узором, обвившаяся вокруг тела и шипящая ледяным раздвоенным языком.

— Взгляни лишь разок, ничего не случится.

Тот, кто стоял за спиной, обнимал его так тесно, точно любовник, и, нашептывая эти слова, помогал Цзян Чи повернуть дверную ручку подвала. В темноте его губы растянулись в сладкой, исполненной злобы улыбке.

Для Молана, чьего голоса было достаточно, чтобы покорить Золотой театр, не составляло труда околдовать неуклюжего юношу.

Под гипнотическим воздействием низкого, вкрадчивого тембра прекрасные глаза юноши начали постепенно терять фокус.

Покрытая ржавчиной дверь приоткрылась, явив узкую щель. Из черной глубины донесся едва слышный дробный смех, а мутный, налитый кровью глаз в упор уставился на красавца, которого удерживал демон.

Латунная задвижка щелкнула, и этот звук внезапно привел юношу, погруженного в галлюцинации, в чувство.

Расширенные зрачки мгновенно сфокусировались. Цзян Чи, проявив поразительную прыть, вырвал руку и машинально взмахнул подсвечником, который сжимал в пальцах. Холодные конечности, сковывавшие его тело, вмиг исчезли. Цзян Чи ощутил пустоту, тяжелый латунный подсвечник с грохотом покатился по полу, пламя на нем в последний раз дрогнуло и с шипением погасло.

Цзян Чи замер.

Молана не было.

Вообще никого не было.

Кто же тогда обнимал его секунду назад?

— Господин? — Маленький лис дрожащим голосом позвал мужчину, но в крошечной тьме подвала ему никто не ответил.

— Господин, не надо меня пугать.

— Господин, вы играете со мной в прятки? — В его дрожащем голосе слышались обиженные нотки, готовые вот-вот сорваться в плач.

Будучи молодым, горячим лисом, который только-только повзрослел и не знал страха, Цзян Чи всегда уверял себя, что ничто не сможет его напугать. Но почему-то, чем больше он убеждал себя в собственной храбрости, тем труднее ему становилось сделать хоть шаг. На макушке под волосами начали пробиваться два бугорка, и пара острых лисьих ушек, покрытых белоснежной шерсткой, нервно задрожала в воздухе.

От страха даже уши вылезли.

За запертой дверью подвала внезапно раздался грохот. Цзян Чи вздрогнул, обернулся, но успел заметить лишь налитый кровью глаз, мелькнувший в щели приоткрытой двери.

Звон цепей в мертвой тишине прозвучал особенно пронзительно.

Цзян Чи в ужасе отпрянул, споткнулся о собственные ноги и повалился на пол.

Только сейчас он заметил, что ручка подвальной двери была обмотана тяжелыми цепями, хотя мгновение назад он не видел ничего подобного.

Тот человек держал его за руку так близко, будто мог с легкостью открыть эту наглухо заколоченную дверь, если бы только захотел.

Словно Пандора, не устоявшая перед искушением открыть ларец и выпустить на волю бесконечные бедствия.

— Там... там привидение, — зубы юноши стучали.

Хотя сам он был существом, не поддающимся научному объяснению, перед лицом неизвестности маленький лис все равно перепугался так, что шерстка на ушах встала дыбом, и они стали похожи на пару пушистых белых помпонов.

— Сяо Чи? Что ты там делаешь?

Холодный голос Молана внезапно прорезал мертвую тишину, отчего по коже юноши побежали мурашки.

Цзян Чи обернулся на звук. Мужчина стоял в темноте без фонаря, и была видна лишь его отстраненная, строгая фигура, напоминающая острое, сверкающее лезвие, безжалостно разрезающее густую тьму.

Цзян Чи не мог понять, человек перед ним или призрак.

Его голос охрип:

— Господин?

Ушки маленького лиса дрогнули, уловив досадный вздох мужчины. Тот шаг за шагом приближался к сидящему на полу юноше.

В воздухе повеяло тонким ароматом белого чая.

Система подала голос:

— Уши!

Острые ушки настороженно дернулись вверх, и, пока мужчина не заметил, юноша поспешно спрятал их в волосах.

Молан наконец подошел к юноше и, словно жалея, опустился на колени, полностью заключая хрупкую фигурку в свои объятия.

Даже голос его звучал мягко и нежно:

— Я здесь.

— Не бойся.

Система вдруг почувствовала досаду, словно этот извращенец украл её слова.

Любитель покрасоваться.

Впервые она подумала, что этот босс невероятно раздражает.

В глазах Цзян Чи блестели слезы, сиявшие в темноте так ярко, что притягивали взгляд.

Молан прикрыл ладонью длинные, хлопающие ресницы юноши. Влажные от слез ресницы щекотали кожу, словно крошечный пушистый веер, легко скользящий по самому сердцу.

Цзян Чи погрузился в еще более глубокую тьму, но ладонь мужчины была теплой. Как

утопающий, он вцепился в запястье Молана, сжимая пальцы так сильно, что побелели костяшки.

На лице Молана отразилась усмешка.

<http://bllate.org/book/20566/2055034>